

СКИФСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ С ТАМГОЙ РУБЕЖА IV–III вв. до н. э. С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

В.С. Синика, Н.П. Тельнов

Аннотация. В статье опубликованы и проанализированы материалы, полученные при исследовании кургана 3 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Впускное погребение кургана сохранилось неповрежденным. В нем были обнаружены чернолаковая чашка, два бронзовых наконечника стрел, галька и деревянное блюдо, от которого сохранились железные скрепы, с железным ножом с роговой рукоятью. Судя по набору инвентаря, захоронение принадлежало рядовому общиннику. Наибольший интерес представляет чернолаковая чашка со следами ремонта, свидетельствующими о длительном использовании сосуда. На ее кольцевом поддоне была процарапана тамга. Этот знак имеет аналогии в сарматских комплексах Северного Причерноморья. Однако принадлежность публикуемого комплекса скифской археологической культуре сомнений не вызывает. При этом его дата – рубеж IV–III вв. до н. э. – устанавливается на основании чашки, на которую была нанесена тамга. Таким образом, в настоящее время появление древнейших тамг в Европе следует относить к рубежу IV–III вв. до н. э. и связывать именно со скифской археологической культурой, а не с сарматской.

Ключевые слова: скифское погребение, левобережье Нижнего Днестра, чернолаковая чашка, бронзовые наконечники стрел, тамга, рубеж IV–III вв. до н. э.

Синика Виталий Степанович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, MD-3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, sinica80@mail.ru.

Тельнов Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом античной и средневековой археологии Института культурного наследия АН РМ, MD-2022, г. Кишинев, бульвар Штефан чел Маре, 1, telnov_nikolai@mail.ru.

SCYTHIAN BURIAL WITH TAMGA OF THE TURN OF 4–3 CENTURIES BC FROM THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

V.S. Sinika, N.P. Telnov

Abstract. The paper deals with description and analysis of the materials obtained during the excavation of the barrow 3 from the «Vodovod» group near Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester river. The secondary burial in this barrow remained undisturbed. There were found black-glazed cup, two bronze arrowheads, pebble and wooden dish with preserved iron braces, iron knife with a horn handle. Judging by a set of inventory, this burial belonged to an ordinary community member. The greatest interest deserves the black-glazed cup with traces of repair, testifying to long-term use of the vessel. On its circular foot the tamga was scratched. This sign has analogies in Sarmatian complexes of the Northern Black Sea. However, membership of this complex to Scythian archaeological culture is beyond doubt. Moreover, its date – the turn of 4–3 centuries BC – is defined on the basis of the cup, on which the tamga was drawn. Thus, at the present time the appearance of ancient tamgas in Europe should be assigned to the turn of 4–3 centuries BC and they should be associated with the Scythian archaeological culture, and not with the Sarmatian.

Keywords: Scythian burial, tamga, left bank of the Lower Dniester littoral, black glazed cup, bronze arrow heads, the turn of 4–3 centuries BC.

Sinika Vitalij S., Candidate of Science (History), Associate Professor, Leading Researcher of Scientific Laboratory “Archaeology”, Shevchenko Pridnestrovian State University, 107, 25 Oktiabria St., Tiraspol, MD-3300, sinica80@mail.ru.

Telnov Nicolai P., Candidate of Science (History), Associate Professor, Director of Department of Antique and Medieval archeology of Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, 1, Stefan cel Mare Bd., Kishinev, MD-2001, telnov_nicolai@mail.ru.

В 2016 г. сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко провели исследования пяти курганов у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Два кургана были сооружены в эпоху бронзы, три – в скифское время.

В настоящей работе публикуются и анализируются материалы, полученные при исследовании скифского кургана № 3 группы «Водовод», расположенной в 4 км к северо-востоку от западной оконечности с. Глиное. В насыпи обнаружены два захоронения. Основное (№ 1) было ограблено в древности. Впускное захоронение (№ 2) сохранилось неповрежденным. Ниже приводится описание этого погребения, а также находок из него.

Погребение 2 кургана 3 группы «Водовод» (скифское, впускное) (рис. 1) обнаружено в 6,5 м к северу от R₀ и в 5,3 м к северу от основного захоронения.

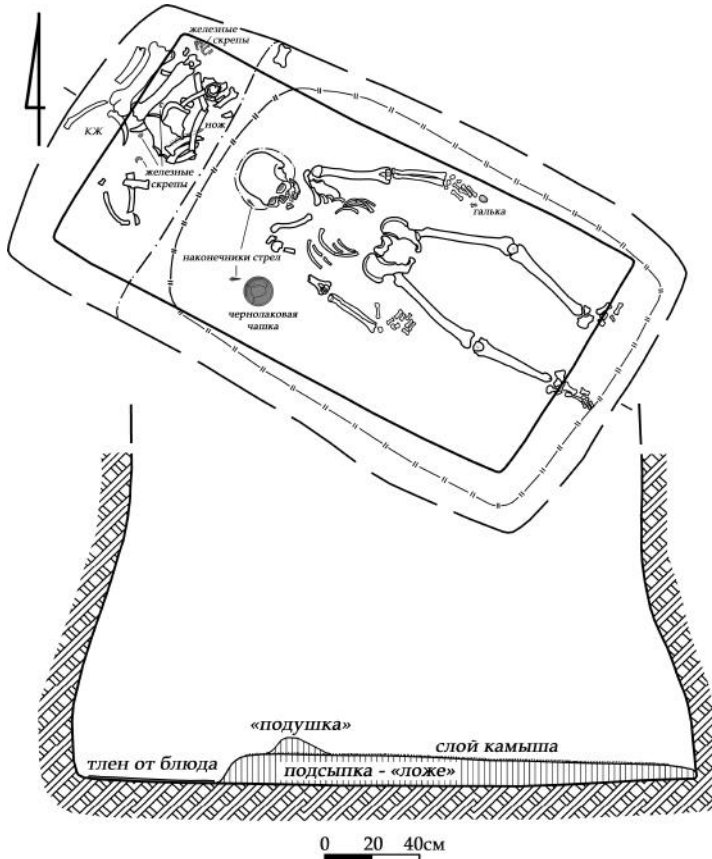

Рис. 1. План и разрез погребения 3/2 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра

Контуры ямы прямоугольной формы длиной 2,2 м и шириной 1,05 м были зафиксированы на глубине –0,9 м от R_0 . За счет расширения всех стен ко дну размеры ямы, ориентированной длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток, составили 2,6×1,45 м. Дно ямы зафиксировано на глубине –2,4 м от R_0 .

Костяк взрослого человека (мужчины?) лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад-северо-запад. Локти слегка отведены от тела, левая нога слабо согнута в колене. Поверх костей был зафиксирован светло-серый органический тлен, возможно, от слоя тростника или от циновки, перекрывавшего устье ямы на уровне ее впуска в существовавшую насыпь. Тело погребенного было уложено на подстилку из тростника или камыша длиной до 1,9 м и шириной до 1,25 м. В свою очередь, подстилка и костяк находились на своеобразном «ложе» – слое подсыпки материковой глиной с примесью чернозема длиной до 2,05 м, шириной до 1,5 м и толщиной до 0,15 м. Слой подсыпки не покрывал только западную часть ямы. Таким образом, погребальное сооружение было четко разделено на две зоны. Под черепом погребенного, поверх подстилки, зафиксирована «подушка» овальной в плане формы из рыхлой материковой глины длиной 0,25 м, шириной 0,2 м и толщиной до 0,1 м.

Состав и расположение инвентаря. За черепом, в западной части ямы (где подсыпки не было), на слое древесного тлена от блюда лежали кости конечностей и таза, а также ребра крупного копытного животного. В центре пятна древесного тлена, под костями животного, был найден железный нож с роговой рукоятью (4). По краям пятна тлена от блюда и в его центре обнаружены шесть железных скреп (5). На материковой «подушке», у правого виска погребенного, находился бронзовый наконечник стрелы (2). Аналогичный наконечник (3) зафиксирован у правого плеча. Рядом с ним стояла чернолаковая чашка со следами ремонта (1). У кисти правой руки найдена галька (6).

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

1. Гончарная чашка на низком кольцевом поддоне. Венчик со скругленным краем плавно загнут, дно внутри кольца поддона конически-выпуклое. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты черным лаком. На внешней стороне лак нанесен небрежно и не покрывает поддон полностью. На тулове имеются следы ремонта в виде шести пар сквозных отверстий и двух отдельных отверстий, каждому из которых с внутренней стороны соответствует разметка для сверления парного отверстия. Изделие, судя по следам ремонта и степени стертости лакового покрытия, использовалось длительное время. Высота чашки 5 см, диаметр венчика – 12,2 см, диаметр тулова – 13 см, диаметр отверстий – 0,3–0,4 см, диаметр поддона – 7,8 см. На дне чашки процарапан знак в виде треугольника, основание которого опирается на букву «Т» перевернутую на 180° (рис. 2, 1–3).

2. Бронзовый трехлопастный наконечник с подтреугольной головкой и слегка выступающей втулкой. Окончания лопастей срезаны ко втулке под острым углом. Во втулке имеется овальное несквозное отверстие размерами 2,7×2,2 мм. Длина наконечника 3,3 см, длина втулки 1 см, диаметр втулки 0,5 см (рис. 2, 12).

3. Бронзовый трехлопастный наконечник с подтреугольной головкой и слегка выступающей втулкой. Окончания лопастей срезаны ко втулке под острым углом. Длина наконечника 3,9 см, длина втулки 1,2 см, диаметр втулки 0,55 см (рис. 2, 11).

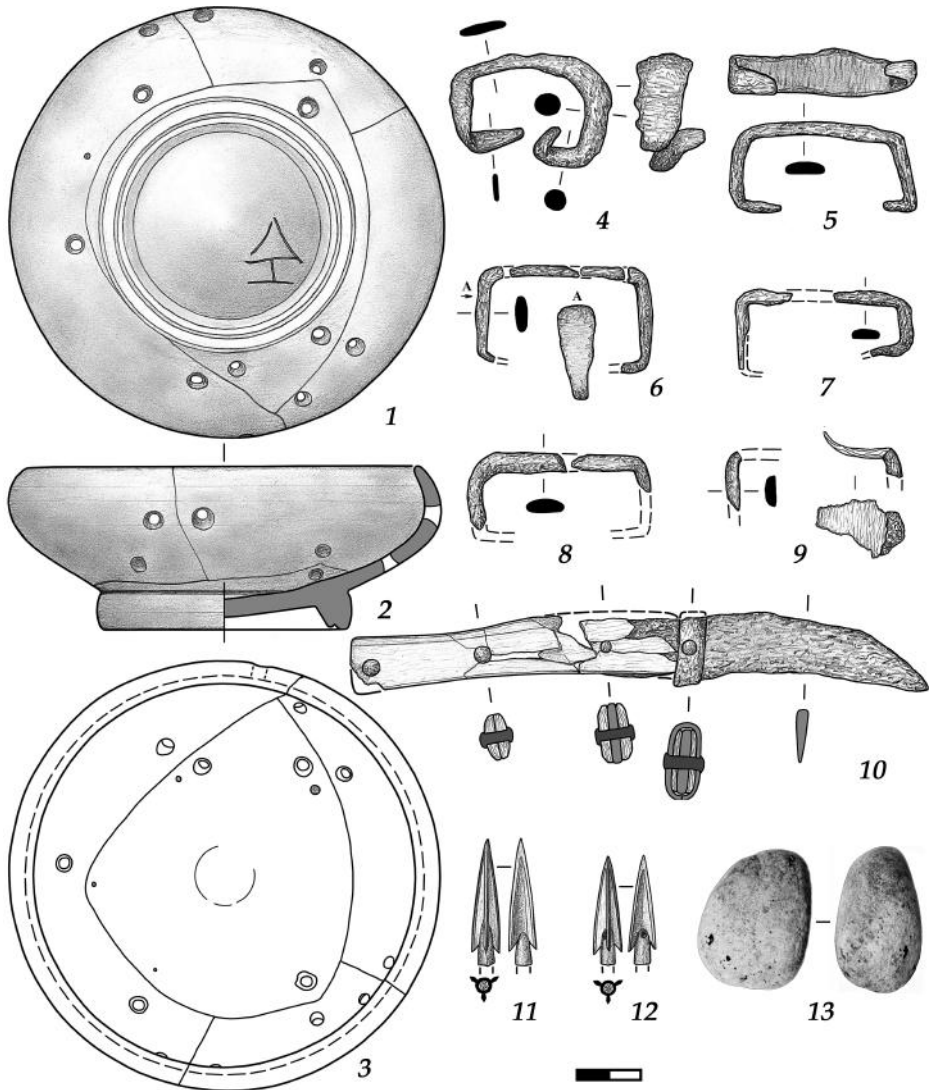

Рис. 2. Инвентарь погребения 3/2 группы «Водовод»

4. Железный нож с дуговидной спинкой и слегка вогнутым лезвием. Черенок выделен, в месте крепления с клинком его охватывает железная пластина, там же находится заклепка. Роговая рукоять подпрямоугольной формы состоит из двух пластин, скрепленных между собой и с черенком тремя железными заклепками. Длина ножа 17,5 см, длина рукояти 9,9 см, ширина рукояти 1,45–1,8 см, длина черенка 2,6 см, ширина пластины 0,8 см, длина клинка 7,6 см, длина заклепок 1–1,1 см, диаметр заклепок на окончаниях 0,6 см (рис. 2, 10).

5. Шесть железных скреп с прикипевшими волокнами от деревянного блюда. Скрепы подпрямоугольной формы, изготовлены из прута раскованного, в большинстве случаев, до подпрямоугольного сечения. Размеры скреп 5,6×2,8 см (рис. 2, 5, 8), 5,4×3,3 см (рис. 2, 6), 5,4×2,7 см (рис. 2, 7), 4,8×3,4 см (рис. 2, 4). Одна из скреп сохранилась настолько фрагментировано, что ее размеры, даже приблизительно, не устанавливаются (рис. 2, 9).

6. Песчаниковая галька размерами 4,5×3,5×2,7 см (рис. 2, 13).

При анализе погребального обряда заслуживают особого внимания несколько его элементов, поскольку они были отмечены в публикуемом комплексе, но в целом фиксируются достаточно редко в скифских погребальных комплексах Северо-Западного Причерноморья.

В первую очередь, это деление ямы захоронения 3/2 группы «Водовод» на две зоны, первая из которых предназначалась для размещения жертвенной пищи с ножом на деревянном блюде, а вторая – для тела погребенного. Аналогичная ситуация была дважды отмечена на правом берегу и в одном случае – на левобережье Днестра. В захоронении 5 кургана 1 у с. Пуркары на правом берегу Днестра в изголовье погребенного находилась жертвенная пища, отделенная лежавшей на дне плахой от тела погребенного и сопровождающего инвентаря [Яровой, 1990, с. 47–48, рис. 20, 1]. В данном комплексе обнаружена чернолаковая чаша, которая позволяет датировать его двумя последними десятилетиями V в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 32, cat. 753]. В погребении 6 того же кургана 1 у с. Пуркары жертвенная пища лежала на прямоугольной материковой площадке размерами 0,9×0,5 м, расположенной на 0,2 м выше дна погребения, также в изголовье погребенного [Яровой, 1990, с. 51, 53, рис. 21, 1]. Комплекс датируется на основании чернолакового канфара серединой IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 29, cat. 699]. Географически ближайшим комплексом с аналогичным элементом обряда является погребение 2/2 у с. Никольское на левобережье Днестра. В этом захоронении за головой погребенной на дне лежала плаха, за которой были положены жертвенная пища и часть инвентаря. Восточнее плахи находились тело погребенной и другая часть инвентаря [Агульников, Сава, 2004, с. 21, рис. 11]. Дата этого захоронения на основании краснофигурного лекифа с изображением женской головы определяется рубежом V–IV вв. до н. э. [Полин, 2014, с. 368–369]. Все перечисленные

захоронения (Пуркары 1/5, Пуркары 1/6, Никольское 2/2) были совершены в ямах, так же, как и погребение 3/2 группы «Водовод»¹.

Однако в публикуемом нами комплексе деление ямы на две зоны было достигнуто не с помощью плахи или материкового возвышения, а за счет устройства «ложа», состоявшего из слоя мешаной глины и чернозема, насыпанного в восточной части ямы. Подобная подсыпка на дне сооружения крайне редко встречается в скифских комплексах Северного Причерноморья. В Поднестровье это погребение 2/12 группы «Водовод», совершенное в яме, впущенной в насыпь кургана эпохи бронзы, исследованного к северу и в непосредственной близости от кургана 3 этой группы². Во всех остальных известных нам случаях этот элемент обрядности был обнаружен в погребальных камерах катакомб: 48/2 у с. Кочковатое (вторая половина IV в. до н. э.³) в Подунавье [Ванчугов и др., 1992, с. 50]; 95/1 и 100/1 могильника у с. Глиное Слободзейского района (III–II вв. до н. э.) на левобережье Нижнего Днестра [Тельнов и др., 2016, с. 767]; 186/2 (первая половина IV в. до н. э.⁴) могильника Мамай-Гора [Андрух, Тощев, 2009, с. 111, рис. 53] и 13/2 (вторая половина IV в. до н. э.) группы Богдановской обогатительной фабрики [Тереножкин и др., 1973, с. 163] в Нижнем Поднепровье. В недавно вышедшей работе появление этого элемента мы связали с греческим влиянием на погребальную обрядность скифов [Тельнов и др., 2016, с. 969].

«Подушка» из материковой глины, отмеченная в публикуемом комплексе, также представляет собой крайне редкий элемент скифской погребальной обрядности⁵. Ранее подобные «подушки» были зафиксированы только в погребении 19/1 (последняя четверть III в. до н. э.) могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра [Тельнов и др., 2016, с. 159, 769, рис. 71, 3, табл. 20] и в захоронении 175/1 (вторая половина IV в. до н. э.) могильника Мамай-Гора [Андрух, Тощев, 2009, с. 104] в Нижнем Поднепровье.

Заметим при этом, что все перечисленные элементы погребального обряда, пусть и редко встречающиеся в скифской среде, не отменяют того факта, что перед нами самое заурядное погребение едва ли не беднейшего представителя скифского общества. Оно было совершено в обычной яме и сопровождалось минимальным набором инвентаря.

¹ Отметим, что подобный элемент обрядности встречается изредка и в скифских катакомбах Нижнего Поднестровья. Погребальные камеры катакомб захоронения 1/7 у с. Мерены (рубеж V–IV вв. до н. э.) на правобережье Днестра [Дергачев, Сава, 2003, с. 535, рис. 8], а также погребений 54/3, 18/2, 35/2 и 83/1 могильника у с. Глиное Слободзейского района (III–II вв. до н. э.) на левобережье Днестра [Тельнов и др., 2016, с. 704–705] были разделены на две зоны.

² Раскопки авторов 2016 г. Материал не опубликован.

³ Дата этого комплекса в пределах V в. до н. э. [Teleaga, 2008, s. 425, № 813; Полин, 2014, с. 237] представляется нам необоснованно заниженной.

⁴ Тризна изо рва кургана 186 могильника Мамай-Гора датирована рубежом V–IV в. до н. э. [Полин, 2014, с. 212]. Она связана с основным погребением кургана. Захоронение 186/2 было впущено в насыпь.

⁵ «Подушки» из других материалов достаточно хорошо известны в скифских погребениях Степей Северного Причерноморья [см.: Тельнов и др., 2016, с. 768].

Более важным является время совершения погребения 3/2 группы «Водовод». Для его определения наибольшее значение имеет чернолаковая чашка. Ближайшая ее аналогия (но не прямая), с учетом метрических характеристик, происходит из цистерны в квадрате D 15: 3 на Афинской Агоре, заполнявшейся в 375–300 гг. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 442]⁶. Чашка из этого комплекса, подобная найденной в погребении 3/2 группы «Водовод» на левобережье Днестра, датирована последней четвертью IV в. до н. э. [Rotroff, 1997, p. 339, fig. 62, cat. 974]. С учетом следов ремонта и длительного использования, присутствующих на нашей чашке, ее попадание в захоронение мы относим не ранее, чем к рубежу IV–III вв. до н. э. [Тельнов и др., 2016, с. 937–945]. Этим же временем мы датируем погребение 3/2 группы «Водовод».

Введение в научный оборот материалов из данного захоронения, как и недавняя публикация погребения 4/6 группы «Сад», датированного второй половиной IV в. до н. э. [Синика, Тельнов, 2016, с. 492–493], имеют прямое отношение к проблеме непрерывного присутствия скифского населения в Поднестровье в IV–II вв. до н. э. С одной стороны, у с. Глиное Слободзейского района в 1995–2012 гг. был исследован скифский могильник III–II вв. до н. э., в составе которого нет курганов IV в. до н. э., если не считать некоторых комплексов, дата которых определена концом IV – первой половиной III в. до н. э. [Тельнов и др., 2016, с. 965]. С другой стороны, в настоящее время в составе курганных групп «Сад» и «Водовод», расположенных в непосредственной близости от указанного могильника III–II вв. до н. э., зафиксированы скифские захоронения, дата которых не поднимается выше рубежа IV–III вв. до н. э. Несмотря на то, что исследование различных курганных групп у с. Глиное Слободзейского района еще не завершено, уже сейчас, по нашему мнению, вопрос о существовании хронологической «лакуны», в частности, в пределах III в. до н. э., в исторической картине степей Нижнего Поднестровья можно считать закрытым.

Однако самый значительный интерес представляет знак, процарапанный на дне чернолаковой чашки из погребения 3/2 группы «Водовод». По нашему мнению, его следует описывать как треугольник, от основания которого вертикально опускается короткая линия. Перпендикулярно последней располагается еще одна линия, длина которой практически соответствует длине основания треугольника. С учетом некоторой небрежности исполнения (очевидно, ввиду неровности поверхности поддона), мы видим симметричное изображение. Если его перевернуть на 90° против часовой стрелки, оно может восприниматься как обычное греческое граффити на дне сосуда. При таком подходе мы сталкиваемся с широко распространенным явлением. С другой стороны, этот знак можно трактовать как скифскую тамгу. В этом случае публикуемый нами комплекс будет считаться уникальным до тех пор, пока не будет найден более древний родовой/клановый знак на территории Восточной Европы. С учетом обозначенной ситуации, мы вынуждены детально рассмотреть имеющиеся аналогии этому знаку.

⁶ Благодарим за консультацию к.и.н. Т.В. Егорову (г. Москва, РФ).

Традиционно аббревиатуру ДН рассматривают как сокращение имени богини Деметры [Толстой, 1953, с. 28, 104, 108, №№ 33, 170, 177; Русяева, 1971, с. 38, рис. 3, 9; Горская, 2002, с. 115–116, рис. 1, 1–4, 7–9] или как сокращение личного имени владельца сосуда [Соломоник, 1984, с. 75, табл. XXXIII, № 337; Гайдукевич, 1987, с. 52–53, рис. 59, 2]. Недавно С.Ю. Сапрыкин и А.А. Масленников высказали мысль, что ДН в лигатуре «при любом раскладе» является «торговой меткой с указанием цены в драмах или денариях, обозначавшихся в разные эпохи одной лигатурой» [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 42, № 110]. Для одной из наиболее близких аналогий (знаку на чашке из Глиного), зафиксированной на дне солонки, исследователи указывают, что сосуд «использовали в качестве официально зарегистрированного стандарта мерного сосуда, точная емкость которого была гарантирована общественной, точнее полисной, собственностью», при этом указывая, что нижняя часть знака в данном случае отличалась от той, что присутствует на сосуде из Глиного [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 69–70, № 272]. Эта же мысль была высказана в новейшей работе [Сапрыкин, Масленников, 2012, с. 208–209, № 23]. Существует мнение, что лигатура ДН обозначает свойство содержащегося в сосуде напитка – «имеющий горький привкус», «с добавлением специй» [Ємец, 2004, с. 48; Ємец, 2012, № 371]. Вне зависимости от того, что именно обозначало сочетание букв ДН (раздельных или виде лигатур-монограмм), во всех случаях эти буквы процарапаны (граффити) или нанесены краской (дипинти) однонаправленно, либо они размещены под примерно одним углом по отношению к условной оси симметрии, их разделяющей. В случае со знаком на дне чернолаковой чашки из Глиного гипотетические буквы Д и Н развернуты по отношению друг к другу на 90°, что противоречит правилам создания монограмм⁷. Именно поэтому мы не считаем знак на нашем сосуде греческим граффити.

Значительно более обоснованным представляется трактовка данного знака в качестве тамги – скифского родового или кланового знака (рис. 3, 1).

В 1987 г. была опубликована костяная пластина с о-ва Березань, обе стороны которой покрыты тамгами [Яйленко, 1987, с. 152–153, рис. 6; Яценко, 2001, с. 78–79, рис. 25, II]. Среди них вырезаны два знака (рис. 3, 2), идентичные процарапанному на дне чашки из Глиного [Яценко, 2001, с. 78–79, рис. 25, II, 3, 7]. Кроме того, аналогичные тамги известны на пантикапейской «писаной» плите [Драчук, 1975, табл. XXXIX, № 376] (рис. 3, 3) и на ольвийском льве № 2 [Драчук, 1975, табл. IX, № 642] (рис. 3, 4). Все указанные знаки С.А. Яценко считает тамгами «местного клана» [Яценко, 2001, с. 79, рис. 5, 75].

Особо подчеркнем, что все исследователи, занимавшиеся изучением подобных знаков, связывали их с сарматами и относили их появление к I в. до н. э. [Соломоник, 1959; Драчук, 1975, Яценко, 2001] либо ко второй половине II в. до н. э. [Yatsenko, 2010, p. 142].

⁷ Благодарим за консультацию к.и.н. М.М. Чорефа (г. Нижневартовск, РФ).

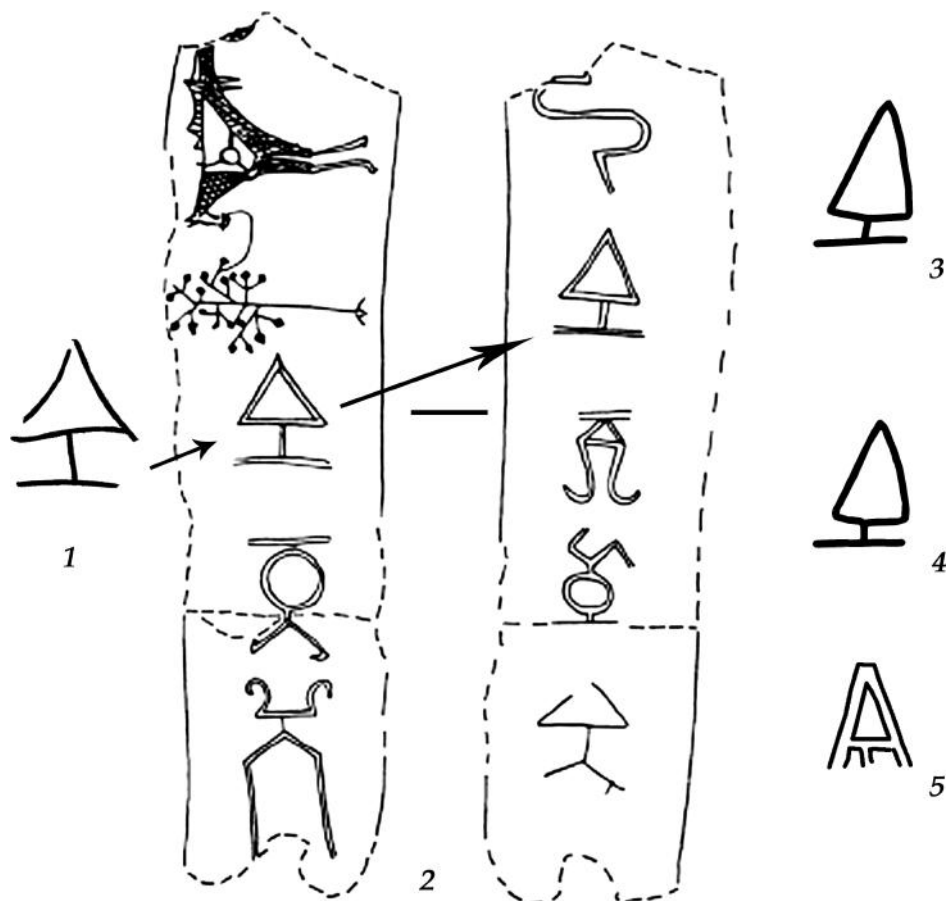

Рис. 3. Тамга на дне лепной чашки из погребения 3/2 группы «Водовод» (1) и аналогичные знаки: 2 – на костяной пластине с о-ва Березань [по: Яйленко, 1987], 3 – на пантикапейской «писаной» плите [по: Драчук, 1975], 4 – на ольвийском льве № 2 [по: Драчук, 1975], 5 – на стене впускной входной ямы погребение 1/1 группы IV у с. Первомаевка на Херсонщине [по: Евдокимов, Фридман, 1991]

Однако в 2004 году в материалах скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Днестра в погребении 81/3 последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. была обнаружена лепная миска с тамгой на дне. Эта находка однозначно свидетельствует в пользу того, что появление первых тамг в Европе связано именно со скифами, а не с сарматами [Тельнов, Синика, 2014, с. 305–306, 308, 310, рис. 14; Тельнов и др., 2016, с. 838, рис. 431; Карнаух и др., 2016, с. 233]. В этой связи заслуживают внимания несколько позиций. Во-первых, северная оконечность скифского могильника у с. Глиное, датированного концом IV – II в. до н. э. [Тельнов и др., 2016, с. 965–966], расположена менее чем в 3 км к юго-западу от кургана 3 группы «Водовод». Во-вторых, дата возведения этого кургана в любом

случае относится к самому концу IV – началу III в. до н. э., т. е. к тому времени, когда начинает функционировать могильник, где была найдена лепная миска с тамгой на дне. В-третьих, в обоих случаях тамги были нанесены на донья сосудов (гончарной чашки из погребения 3/2 группы «Водовод» и лепной миски из захоронения 81/3 могильника у с. Глиное), причем они имели следы ремонта в виде отверстий на тулове. По нашему мнению, это свидетельства бережного отношения к данным сосудам, в первую очередь потому, что на них были нанесены тамги. Во всяком случае, нет никаких сомнений, что ремонт лепной миски из погребения 81/3 могильника у с. Глиное не имел никакого практического значения [Тельнов и др., 2016, с. 484–485, рис. 273, 10].

Возвращаясь к аналогиям тамге на дне чернолаковой чашки из погребения 3/2 группы «Водовод», отметим, что как минимум одно близкое изображение известно в скифском погребальном комплексе. В 1991 г. было опубликовано асинхронное погребение 1/1 группы IV у с. Первомаевка на Херсонщине, на южной стене впускной входной ямы которого было прочерчено изображение в виде буквы «А» с небольшим вертикальным отростком, опускающимся вниз от горизонтальной линии «буквы» [Евдокимов, Фридман, 1991, с. 85, рис. 10, 3] (рис. 3, 5). К сожалению, из публикации не ясно, был ли зафиксирован данный знак полностью или частично, также не указаны размеры всего изображения. Дата этого захоронения, совершенного в катакомбе II типа, не выходит за пределы второй половины IV в. до н. э. [Тельнов и др., 2016, с. 707, рис. 394, 5], т. е. практически совпадает с датой захоронения 3/2 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра.

В более позднее время знаки в виде треугольника встречаются в качестве составных элементов орнаментов, прочерченных вокруг устьев дромосов и над ними на скифском могильнике у с. Глиное III–II вв. до н. э. Они известны, в частности, в захоронениях 33/1 (треугольник между двумя линиями, нижняя из которых оконтуривает устье дромоса), 54/3 и 60/1 (в обоих случаях – треугольник над линией, оконтуривающей устье дромоса). Захоронение 33/1 датируется второй четвертью III в. до н. э., погребение 60/1 – последней четвертью III в. до н. э., а комплекс 54/3 – первой половиной II в. до н. э. [Тельнов и др., 2016, с. 705–712, 965–966, рис. 389, 6, 390, 4, 8]. Недавно мы предположили, что все эти знаки (как и целый ряд других), прочерченные над устьями в дромос, могли являться магическими символами, запечатывавшими вход в царство мертвых, а знаки в виде треугольников могут указывать на переход от кочевого к оседлому образу жизни [Тельнов и др., 2016, с. 711–712]. В настоящее время, в связи с находкой тамги в захоронении 3/2 группы «Водовод», не отрицая изложенных ранее соображений, считаем возможным предположить, что эти знаки в том числе могли играть роль тамг.

В завершении подведем основные итоги. До недавнего времени самыми древними тамгами на территории Европы считались знаки, обнаруженные на сарматских памятниках и связанные с сарматской культурой. Их датировка не опускалась ниже I в. до н. э. либо второй половины II в. до н. э. В 2004 г. на могильнике у с. Глиное на левобережье Днестра в погребении 81/3 последней четверти III – первой четверти

II в. до н. э. была обнаружена лепная миска с тамгой на дне, принадлежность которой скифской археологической культуре не вызывает сомнений. В ходе раскопок 2016 г. также на левобережье Днестра в погребении 3/2 группы «Водовод» рубежа IV–III вв. до н. э. была найдена греческая чернолаковая чашка с процарапанным изображением, которое, по нашему мнению, можно уверенно интерпретировать как тамгу. С учетом приведенных аналогий подчеркнем, что в настоящее время есть все основания относить появление тамг в Европе к рубежу IV–III вв. до н. э. и связывать их распространение в Северном Причерноморье со скифской степной культурой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С., Сава Е. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинев: СЕР USM, 2004. 243 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. IV. Запорожье: ЗНУ, 2009. 312 с.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев: Наукова думка, 1992. 92 с.
- Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 182 с.
- Горская О.В. Культы Нимфея по материалам граффити // *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища*. Ч. 1. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. С. 114–121.
- Дергачев В.А., Сава Е.Н. Исследование курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка // *Stratum plus*. 2003. № 2 (2001–2002 гг.). С. 526–562.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северо-причерноморской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 1991. С. 72–97.
- Ємець І.А. Значення деяких абрєвіацій на античних амфорах з території Боспору Кімерійського // *Археологія*. 2004. № 1. С. 43–59.
- Ємець І.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.: Спутник, 2012. 478 с.
- Карнах Е.Г., Саника В.С., Сердюк М.И. Скифский клад из Дебальцево // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 217–238.
- Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с.
- Русяева А.С. Культ Кори-Персефони в Ольвії // *Археологія*. 1971. № 4. С. 28–40.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (Боспорские исследования. Suppl. 1). Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2007. 320 с.

Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти с памятников «царской» хоры Европейского Боспора. Addenda I // *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал (Древности Боспора. Suppl. III). М.: ИА РАН, 2012. С. 200–216.

Синика В.С., Тельнов Н.П. Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левого бережья Нижнего Днестра // *Стародавнє Причорномор'я*. XI. Одеса: ОНУ, 2016. С. 488–499.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Академия наук Украинской ССР, 1959. 180 с.

Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.

Тельнов Н.П., Синика В.С. Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*. S.n. Vol. VIII (XXIII). 2014. nr. 1. С. 287–316.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 1973. С. 113–186.

Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Академия наук СССР, 1953. 154 с.

Яйленко В.П. Несколько греческих граффити и «сарматская» надпись с Березани // *Античная балканистика*. М.: Наука, 1987. С. 147–154.

Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы нижнего Поднестровья. Кишинев: Штиинца, 1990. 272 с.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

Rotroff S. *Hellenistic pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material*. (The Athenian Agora. Vol. XXIX). Princeton; NJ: Princeton Academic Press, 1997. Part 1. Text. Part 2. Illustrations. 575 p.

Sparkes B.A., Talcott L. *Black and plain pottery of 6th, 5th and 4th centuries B.C.* (The Athenian Agora. Vol. XII). Princeton; NJ: Princeton Academic Press, 1970. Part 1. Text. 472 p. Part 2. Indexes and illustrations. 25 fig., 100 pls.

Teleaga E. *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau: 6. Jh. – Anfang des 3. Jhs. v Chr.* (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 23.). Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2008. 524 s.

Yatsenko S.A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples of Iran, Eastern Europe, Transoxiana and South Siberia // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 133–154.

REFERENCES

- Agul'nikov S., Sava E. *Issledovanija kurganov na levoberezh'e Dnestra* [Study of Barrows on the Left Bank of the Dniester]. Kishin'ov: CEP USM, 2004. 243 p. (in Russian).
- Andruh S.I., Toshhev G.N. *Mogil'nik Mamaj-Gora* [Mamai-Gora cemetery]. IV. Zaporozh'e: ZNU Publ., 2009. 312 p. (in Russian).
- Vanchugov V.P., Subbotin L.V., Dzigovskij A.N. *Kurgany primorskoj chasti Dnestro-Dunajskogo mezhdurech'ja* [Barrows of the Coastal Part of Dniester-Danube Interfluve]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1992. 92 p. (in Russian).
- Gajdukevich V.F. *Antichnye goroda Bospora. Mirmekij* [Ancient Polices of the Bosporus. Myrmekion]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 182 p. (in Russian).
- Gorskaja O.V. Kul'ty Nimfeja po materialam graffiti [Nymphaeum Cults based on Graffiti], in: *Bosporskij fenomen. Pogrebal'nye pamjatniki i svjatilishha* [The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Funerary Sites and Sanctuaries]. Ch. 1. Saint Petersburg: Gosudarstvennyj Jermitazh, 2002. P. 114–121 (in Russian).
- Dergach'ov V.A., Sava E.N. Issledovanie kurganov v okrestnostjah sjol Meren' i Kirka [Study of Barrows in the vicinity of the villages Meren' and Kirka], in: *Stratum plus*. 2003. № 2 (2001–2002). P. 526–562 (in Russian).
- Drachuk V.S. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ja* [System of the Signs of the Northern Black Sea]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1975. 176 p. (in Russian).
- Evdokimov G.L., Fridman M.I. Kurgany skifskogo vremeni u s. Pervomaevka na Hersonshine [Barrows of the Scythian Time near Pervomaevka village in Kherson Region], in: *Kurgany Stepoj Skifii* [The Barrows of Steppe Scythia]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1991. P. 72–97 (in Russian).
- Єmec' I.A. Znachennja dejakih abreviacij na antichnih amforah z teritorii Bosporu Kimerijs'kogo [Meaning of Some Abbreviations on Ancient amphorae from the Territory of the Cimmerian Bosporus], in: *Arheologija* [Archaecology]. 2004. 1. P. 43–59 (in Ukrainian).
- Єmec I.A. *Graffiti i dipinti iz antichnyh gorodov i poselenij Severnogo Prichernomor'ja* [Graffiti and Dipinti of Ancient Polices and Settlements of the Northern Black Sea Coast]. M.: Sputnik Publ., 2012. 478 p. (in Russian).
- Karnah E.G., Sinika V.S., Serdjuk M.I. Skifskij klad iz Debal'cevo [Scythian Hoard from Debal'tsevo], in: *Stratum plus*. 2016. 3. P. 217–238 (in Russian).
- Polin S.V. Skifskij Zolotobalkovskij kurgannyj mogil'nik V–IV vv. do n.je. na Hersonshine [The Scythian Barrow Cemetery Zolotaya Balka, 5th–4th Centuries BC, Kherson Region]. Kiev: Izdatel' Oleg Filjuk, 2014. 776 p. (in Russian).
- Rusjaeva A.S. Kul't Kori-Persefoni v Ol'vii [Cult of Kora-Persephone in Olbia], in: *Arheologija* [Archeology]. 1971. № 4. P. 28–40 (in Ukrainian).
- Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A. *Graffiti i dipinti hory antichnogo Bospora* [Graffiti and Dipinti of Ancient Chersonese's Chorus] (Bosporskie issledovanija. Suppl. 1). Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina, 2007. 320 p. (in Russian).

Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A. Graffiti i dipinti s pamjatnikov «carskoj» hory Evropejskogo Bospora [Graffiti and Dipinti from the “Tsar” Chorus of European Bosporus]. Addenda I, in: *Carskaja hora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e). T. 2. Individual'nye nahodki i massovyj arheologičeskij material (Drevnosti Bospora. Suppl. III)*. Moscow: IA RAN, 2012. P. 200–216 (in Russian).

Sinika V.S., Tel'nov N.P. Skifskoe pogrebenie s litikom-skarabeoidom s levoberezh'ja Nizhnego Dnestra [Scythian burial with the “skarabeoid” from the left bank of Lower Dniester littoral], in: *Starodavne Prichernomor'ja [Ancient Black Sea Coast]*. XI. Odesa: ONU, 2016. P. 488–499 (in Russian).

Solomonik Je.I. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ja* [Sarmatian signs of Northern Black Sea Littoral]. Kiev: Akademija nauk Ukrainskoj SSR, 1959. 180 p. (in Russian).

Solomonik Je.I. *Graffiti s hory Hersonesa* [Graffiti from Chersonese's Chorus]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1984. 144 p. (in Russian).

Tel'nov N.P., Sinika V.S. Miski iz skifskih pogrebal'nyh pamjatnikov konca IV–II v. do n.je. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Bowls from the scythian burial monuments of the end of IV – II century BC on the left bank of the Lower Dniester Littoral], in: *Tyragetia*. S.n. Vol. VIII (XXIII), 2014. nr. 1. P. 287–316 (in Russian).

Tel'nov N.P., Chetverikov I.A., Sinika V.S. *Skifskij mogil'nik III–II vv. do n.je. u s. Glinoe* [Scythian Cemetery of 3rd – 2nd Centuries BC near Glinoe Village] (Arheologičeskie pamjatniki Pridnestrov'ja. III). Tiraspol': Stratum plus Publ., 2016. 1096 p. (in Russian).

Terenozhkin A.I., Il'inskaja V.A., Chernenko E.V., Mozolevskij B.N. Skifskie kurgany Nikopol'shhiny [Scythian Barrows of Nikopol Region], in: *Skifskie drevnosti* [Scythian antiquities]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1973. P. 113–186 (in Russian).

Tolstoj I.I. *Grecheskie graffiti drevnih gorodov Severnogo Prichernomor'ja* [Greek Graffiti of the Ancient Polices of Northern Black Sea Littoral]. Moscow; Leningrad: Akademija nauk SSSR, 1953. 154 p. (in Russian).

Jajlenko V.P. Neskol'ko grecheskih graffiti i «sarmatskaja» nadpis' s Berezani [Some Greek Graffiti and “Sarmatian” Inscription from Berezan'], in: *Antichnaja balkanistika* [Ancient Balkan Studies]. M.: Nauka Publ., 1987. P. 147–154 (in Russian).

Jarovoj E.V. *Kurgany jeneolita – jepohi bronzy nizhnego Podnestrov'ja* [Barrows of Eneolithic and Bronze Age in the Lower Dniester Region]. Kishin'jov: Shtiinca Publ., 1990. 272 p. (in Russian).

Jacenko S.A. *Znaki-tamgi iranojazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ja* [Tamga-Signs of Iranian Populations in Antiquity and the Middle Ages]. M.: Vostochnaja literatura Publ., 2001. 190 p. (in Russian)